

УДК 07
ББК 76.00В

В.Д. Мансурова

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО СМЫСЛА

Рассматривается один из парадоксов массовой коммуникации: «катастрофа» утраты смысла при явном избытке информации. Автор выдвигает свою гипотезу «протокола смысла» (М. Кастельс) – логически структурированный, символически насыщенный журналистский текст. В качестве метода исследования предлагается «теория катастроф» Р. Тома.

Ключевые слова: коммуникация, информационная система, хаос, энтропия, гиперсигнификация, «точка сборки», «катастрофа сборки», журналистская информация, журналистский текст.

Мансурова Валентина Дмитриевна – докт. филос. наук, профессор, декан факультета журналистики Алтайского государственного университета.
Тел.: (385-2) 36-63-24
E-mail: dean@journ.asu.ru

«Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит». Лакей Петрушка, введенный в культурный обиход гением Николая Васильевича Гоголя, предвосхитил появление массового читателя эпохи информационного избытка. Современники, читающие в электричках и на бегу, так же, как герой «Мертвых душ», мало озабочены пониманием сканируемого глазом текста. Буквы складываются в текст и что-то обозначают. И этот «дебаш знаков», по образному выражению Ж. Бодрийара, для многих самодостаточен как обозначение некоего смысла, разгадывать который все равно нет никакого... смысла.

Массовая коммуникация спровоцировала появление информационного продукта, конвертируемого в любой экономической и социальной системе, способного моментально сблизить миллионы людей, обогатить новым знанием и возможностью для самопрезентации в пространстве инфокосмоса. Став информационным, общество возвело миллионы людей в статус коммуникантов, якобы «владеющих миром», – транспарентным, коммуницируемым, самоуправляемым. Ведь промысел всевышнего в том и состоит, что человек, вооруженный знанием о себе и мире, свободен в своих делах и чаяниях.

Но парадокс общества информационного избытка как раз и состоит в том, что, теоретически обладая доступом к несметным гигабайтам информации, на практике коммуниканты предпочитают обходиться самым малым: от «бегущей строки» в супермаркете до гламурного журнала в офисе. Эту ситуацию специалисты уже поспешили назвать своеобразным «возвратом к Средневековью», когда свои утилитарные потребности в социальной информации человек находил в ближнем окружении или же в апелляции к неземным силам.

«Вопрос о том, КТО коммуницирует, КТО становится *носителем* сообщения, звучит достаточно проблематично. Человек утрачивает способность к разгадыванию предназначенных для него смыслов», – констатирует И.А. Мальковская, автор исследования «Многоликий Янус открытого общества» [Мальковская, 2005, с. 118]. Оказавшись в мире глобальной коммуникации, где все информационные послы унифицированы и потому обезличены, человек утрачивает способность не только фиксировать источник информации, но и осмысленно потреблять предназначенный для него информационный «миксинг».

«Это происходит потому, – утверждает Ж. Бодрийар, – что информация вместо того, чтобы побуждать к коммуникации, занимается её разыгрыванием. То же и в отношении смысла: информация не производит смысл, а разыгрывает его» [Бодрийар, 2000, с. 32 – 47]. Цифровые технологии производства, передачи и визуально-образной интерпретации информации стали самоцелью для современных «властителей дум». Без «игрового начала», или инфотеймента, не выйдут ни сюжет в эфире, ни сообщение в газете. Но технологи массового информирования не останавливаются на достигнутом: изобретаются новые мобильные интерфейсы, позволяющие адаптировать информационные потоки под требования конкретных потребителей. Печатные версии газет и журналов сопровождаются онлайн-версиями, которые, в свою очередь, демонстрируют чудеса третьего измерения реальности – в хитросплетении множества взаимосвязанных структур, разветвляющихся ссылок и мультимедийных свойств. «Во все тяжкие» пускаются даже самые уважаемые издания и медиахолдинги, казалось бы, не нуждающиеся в искусственном нагнетании интереса публики. Вот конкретные примеры:

Джим Брэди (Jim Brady), исполнительный редактор Washingtonpost.com:

– «Наше издание можно читать в любом месте, у нас множество новостных статей, фотогалерей, мы создали свои видеоролики, блоги и т.д. Например, у нас есть услуга *city-guide* – карта города, по которой читатель может "ходить" в онлайн-режиме и находить нужные ему объекты и информацию о них. У нас есть сервис *sit-down* – в определенное время собираются люди и общаются в онлайн. Используем мы

и аудиотехнологии. Например, во время обсуждения вопроса о новом гимне в штате Вирджиния наши корреспонденты попросили политиков напеть понравившуюся мелодию – аудиофайлы были сразу же выложены на наш сайт».

Кристи Фрилэнд (Christia Freeland), редактор американского издания Financial Times:

– «Что же нового сделало наше известное своей консервативностью издание? 1. Создало новую издательскую систему, которая позволяет печатать сразу в онлайн-режиме. Журналист может печатать текст за несколько тысяч километров от родной страны, и его творение будет автоматически появляться на сайте газеты... 4. Открыло обычному читателю доступ к созданию новостей. Таким образом каждый смог почувствовать себя ньюсмейкером... 6. Применило практику использования разных языков на сайте. Так, у нас есть проект FT Chinese – публикация всех материалов на китайском языке и прямая связь с китайскими регионами».

Эстен О. Сежер (Esten O.Saether), редактор по новым медиа газеты Dagbladet, Норвегия:

– «Норвежская газета Dagbladet предлагает онлайн-версию в формате Play Station (PSP), которая является одним из наиболее интересных способов привлечения молодых читателей, когда новости смешиваются с развлечением... С помощью PSP-версии можно выбрать: читать новости или играть в видеоигры» [<http://www.gipp.ru/print.php?id=16380>].

Как видно, нет предела совершенству форм и способов «упаковки» информационных посланий. Формируемые в процессе коммуникации семиотические системы то усложняются, а то минимизируются до простейших слоганов, сопровождаются кодами, адекватными то «идолам» рода, а то – пещерам... «Базы данных» коммуникаторов не успевают за апгрейдом, навязываемым технологиями... «Петрушкам» за ноутбуками и глянцевыми журналами остается торопливое участие в процессе сложения букв и слогов.

«Поскольку потребляемое, благодаря универсальности носителей информации, может постоянно воспроизводиться, тиражироваться, обновляться и т.д., возникает ситуация «смысловой пустоты» при одновременном количественном заполнении сознания огромным объемом информации. Ситуация «потери смысла» такова, что реакция на информацию все больше заменяет действие вследствие информации. Постоянное стимулирование реакций, не связанных с действиями, опустошает человека, стимулируя лишь бесконечный «шопинг» и искусственное «взбадривание» [Мальковская, 2005, с. 118 – 119].

Исследователи, а затем и сами создатели информационного избытка всерьез заговорили о «смысловой» катастрофе в каналах массовой

коммуникации. Совмещение планов и временных реалий, домыслы как художественная интерпретация приводят к такому явлению, как гиперсигнификация. Знак, когнитивный смысл, закрепленный за ним, благодаря технологическим и «художественным» находкам авторов начинают обретать дополнительные смыслы. Способ конструирования дополнительной знаковой системы «похищает» смысл первичных знаков и предъявляет его в новом виде.

Перенасыщенность когнитивной сферы, как ни странно, ведёт к появлению «пробелов» в знании об окружающем мире. Ибо, ведя поиски информации в изменчивой среде, сознание часто не успевает соотнести полученные когниции (установки, мнения, стереотипы) с уже имеющимися. Рациональная структура самоосознающего и самотождественного субъекта оказывается неспособной молниеносно или достаточно быстро переключиться, настроиться на поток разноплановой, противоречивой, порой взаимоисключающей смыслы, сопоставляемой информации. Происходит так называемое смещение «точки сборки» смысла.

Кроме художественно-образной трактовки у понятия «точка сборки» есть и устоявшиеся, закрепленные когнитивной практикой, определения пространственной фиксации воспринимаемой реальности. Согласно одному из них, «Понятие "точка сборки" происходит из мистической литературы и означает, по сути, фиксацию на том или ином способе восприятия реальности. При смещении точки сборки, согласно учению американских шаманов, происходит радикальная перестройка в том, как видится, воспринимается и функционирует окружающий мир» [Засурский, 2006, с. 142].

В мире «большой науки», оперирующей законами глобального характера, понятие «сборки» экстраполируется на явления, результирующие «смещения» динамической стройности и упорядоченности систем. Появились первые попытки использования математических методов в изучении структурных «сдвигов» в социальных системах, приводящих к катастрофическим явлениям. В частности, ученые А.К. Гуц и Ю.В. Фролова попытались применить теорию катастроф Рене Тома для моделирования процессов резкого нарушения динамического равновесия в социальных системах, приводящих к криминальной катастрофе, тюремному бунту, краху биржи. Используя идеи теории динамических систем и теории катастроф, приемы, отнесенные Р. Томом к «мягкому моделированию», ученые нашли способы формализации характеристик элементов неравновесных систем, приводящих систему к бифуркационному скачку. Используя математический аппарат теории катастроф, они получили примеры типичной «катастрофы сборки», демонстрирующей резкое нарушение параметров порядка в системе, названной ими «социальным полем» [Гуц, Фролова, 2007,

с. 56 – 64]. При этом за основу определения берется понятие «поля», данное Эйнштейном: «Совокупность сосуществующих фактов, которые понимаются как взаимозависимые» (Цит. по: [Левин]). Таким образом, характеристика социального поля дается как совокупность взаимодействия всех фактов, имеющих в данной системе и оказывающих воздействие на ее состояние.

Социальное поле, в данном случае – поле смысла, создаваемого в системе массовой коммуникации взаимодействием сосуществующих в информационных потоках фактов, не может не представлять собой неравновесную динамическую систему, функционирующую по законам энтропии. «Катастрофа сборки» смысла как раз и происходит при резком нарушении параметров порядка в социальном поле поступившей к коммуниканту информации: при диссонансе – несовпадении культурных кодов и значений, при явном алогизме выстраиваемых медиасобытий. Коммуникация оказывается дисфункциональной, ибо не приводит к появлению «смысла... как результата символического взаимодействия сознаний» [Аршинов и др., 2007, с. 48].

Хотя для самоорганизующейся системы информационного взаимодействия так же, как и для других подобных систем, существенными признаками являются: постоянное становление хотя бы микроскопической упорядоченности (из хаоса информации должен возникать хоть какой-нибудь смысл, иначе: зачем читать, смотреть и слушать?!); когерентность в появлении и исчезновении медиасобытий (отсюда – всеми каналами СМИ воспроизводимые сенсации и комментарии, завладевающие умами миллионов); частота бифуркационных кризисов системы, когда требуются все новые и новые аттракторы, выводящие её из информационного хаоса. Поиск их затруднен и подчас лимитирован дефицитом времени. «Катастрофа сборки» имеет для смысла разрушительные последствия. Как заметил ещё Ж. Бодрийар, «...потребность в смысле, желание реальности, однажды исчезнув, восстановлению уже не поддаются. Для системы это катастрофа» [Бодрийар, 2000, с. 34].

Энтропийный анализ самоорганизации систем, имеющих, по определению современных философов, «информационную причинность», показывает, что зависимость между случайностью и возможностью приобретает в них геометрическую прогрессию. Требуется все больше и больше «случайностей», чтобы из хаоса становился, возникал определенный порядок. Наблюдается обратно пропорциональная зависимость между увеличением информации и возрастанием/убыванием смысла. Чем больше информации, тем труднее в этом хаосе найти долю смысла, соотносимого хотя бы с обыденными представлениями о реальности. Чего стоит только возглас Ж. Бодрийара – одного из критиков постмодернистского «карнавала» публичных текстов массмедиа: «Мы прошли всеми путями производства и скрытого сверхпроизвод-

ства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена – всё освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?» [Бодрийар, 2000, с. 7]. Идеолог и теоретик информационного общества М. Кастельс, также озабоченный «катастрофами информационного взаимодействия сознаний», предлагает искать своеобразные «протоколы смысла», которые «...представляют собой коммуникационные мостики между персонифицированными гипертекстами, не зависящие от общей практики» [Кастельс, 2004, с. 238 – 239]. И в качестве такого универсального коммуникационного «протокола смысла» он называет искусство.

Действительно, поликодовость языка искусства может быть ареной общественного договора. Она является механизмом, структурирующим коммуникацию, способным выводить систему значений из хаоса и создавать параметры порядка в системе информационного обмена. То есть производить «сборку смысла». Но как в таком случае объяснить коммуникационный коллапс мирового масштаба, спровоцированный скромным датским художником, языком искусства призвавшим пророка Мохаммеда вразумить воинственных исламистов? А ведь карикатуры, опубликованные в газете провинциального датского городка, отвечают всем канонам высокого искусства... И можно ли рассчитывать на то, что каждый читающий данную статью с первых ее строк понял, какой персонаж великого произведения литературы назван прототипом современных коммуникантов? А с каким названием эпопеи Марселя Пруста ассоциируется заголовок статьи «В поисках утраченного смысла»? Так ли универсален «коммуникационный мостик» искусства?

По заключению М.В. Сапронова, сделанному им в статье «Синергетические подходы в исторических исследованиях...», структурная информация является жёстким ядром культуры данного социального организма и связывает воедино его разнообразные элементы. Историческая этнология и социология используют для характеристики ядра понятие центральная зона культуры. Определяя культуру как «...способы приспособления к окружающей среде», ученый обозначает структурную информацию через понятие «традиция» [Сапронов, 2002, с. 162].

Именно наличие в структуре информациогенеза системы «жёсткого ядра культуры», **традиционной для социума**, обеспечивает ей наиболее оптимальное соотношение детерминации и свободы. При этом исследователь ссылается на открытый российским ученым Е.А. Седовым «закон иерархических компенсаций», согласно которому уровень структурной информации не может опускаться ниже 80 %, иначе система начинает терять свои адаптивные свойства и быстро впадает в хаос [Там же, с. 161].

То есть искусство может быть «протоколом смысла» лишь в коммуникационном взаимодействии субъектов одной традиционной культуры! А мы хотя и живем в системе открытого информационного взаимодействия, но в разных культурных традициях. Следовательно, целесообразно обратиться к другому механизму структурирования смысловых значений социальной информации, объективно созданной самой системой, – журналистской информации.

Журналистская информация является тем уникальным культурно-семиотическим конструктом, позволяющим осуществить многовариантный процесс производства и передачи социально значимых смыслов. Субъекты этого производства – авторы сообщений – онтологизируют фрагменты реальности, интерпретируя образы-факты, образы-события, образы-модели с точки зрения их социальной значимости. В то же время социальный контекст в процессе опредмечивания реальности, как правило, обусловлен энергией личностного видения и субъективного выражения смысла. В этой дихотомии «социального – индивидуального» заложен эвристический потенциал производства и воспроизводства социальных смыслов в сфере журналистской деятельности. Именно эта двойственность делает её творчеством, в высшей степени востребованным обществом. Процесс становления медиа-событий, в который он включается, является особо привлекательным для журналиста и оказывается в высшей степени нужным публике, ожидающей не просто фактов, а представленности их в определённой системе взглядов и оценок.

В факте, интерпретируемом журналистом, содержится не только образ объективно существующей реальности. Перцептивная переработка информации – упорядочение, категоризация, осмысление – с точки зрения психологов, представляет собой своеобразную переплавку познавательных процессов, обусловленных субъективными особенностями памяти, интеллекта и психофизиологических качеств личности.

Создавая социокультурную реальность в форме картины мира современного человека, журналистика как никакой другой институт общества способствует рациональному функционированию «жёсткого ядра культуры» цивилизации и обеспечивает наличие специфической антропотехники в социальной системе.

Публичный текст всегда наделялся эвристическими, т.е., побуждающими к размышлению функциями. Текст, творимый журналистом для аудитории, предельно насыщен документальными и художественными образами, основывается на синтезе знаковых форм и выразительных средств. Для него характерны символическая насыщенность, сложное переплетение знаковых моделей (в аудиотексте – любая вербальная информация, на телевидении – совокупность всех знаковых

разновидностей; газетный текст, благодаря современным технологиям, приобретает новые пространственные и временные формы).

Тип мышления, свойственный такому виду творчества, помимо общих гносеологических качеств, обладает аксиологическими характеристиками. Основанное на диалоге культур, такое мышление дискурсивно. Философами и культурологами такой тип мышления не случайно назван гуманитарным, наиболее востребованным в эпохи кризисов и социальных потрясений. Специфическим проявлением гуманитарного мышления в журналистском творчестве публицист Е. Богат назвал «лабораторное мышление» [Богат, 1967, с. 3]. Оно позволяет создавать произведения, в которых сюжетно-композиционные средства направлены на создание, углубление психологических предпосылок для равноправного взаимодействия в процессе творчества. В этом случае, по определению Е. Богата, «героиней повествования остается мысль, укрупненная волшебной линзой художественного образа». Сам он неоднократно в своих произведениях подчеркивал: «Постараемся же хорошо мыслить – вот основа нравственности».

Следовательно, прямое приобщение читателя к исследовательскому процессу, к возможности самому прикоснуться к тем предположениям, сомнениям, догадкам, через которые проходит мысль журналиста, и становится одной из важнейших предпосылок публичных «уроков» сборки смысла, «складки» общественного сознания, свободного от разрушительных катастроф.

Литература

1. *Аршинов В.И., Лайтман М., Свирский Я.И.* Сфирот познания. М., 2007.
2. *Богат Е.* Хорошо роет старый крот // Журналист. 1967. № 3.
3. *Бодрийар Ж.* В тени молчаливого большинства. Екатеринбург, 2000.
4. *Бодрийар Ж.* Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна: сб. переводов и рефератов. Минск, 1996.
5. *Гуц А.К., Фролова Ю.В.* Математические методы в социологии. М., 2007.
6. *Засурский И.* Герой нашего времени: мультимедийный журналист // Журналистика на перепутье. Опыт России и США / под. ред. Е.Л. Варгановой. М., 2006.
7. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.
8. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.
9. *Мальковская И.А.* Многоликий Янус открытого общества: опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации. М., 2005.
10. *Сапронов М.В.* Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // Общественные науки и современность. 2002. № 4.